УДК 17.022

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА

Ершов Юрий Геннадьевич,
Уральский институт (филиал)
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы,
заведующий кафедрой философии
и политологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ers@uapa.ru

Аннотация
Рассматривается содержание проблемы современности. Анализируются достоинства и недостатки концепции профессора А.В. Павлова.

Ключевые понятия:
современность,
модернизация,
рациональность.

Проблематизация современности своевременна и по философскому звучанию, и потому, что модернизационные исследования российской действительности в отечественной литературе теряют новизну и глубину. Напомню, что отправную точку как классической, так и неоклассической концепций модернизации составляет дилемма традиционного и современного общества. При этом исследователи мало задумываются о смысле современности, по умолчанию понимаемой как нечто само собой разумеющееся. Критерии модернизации (осовременивания) по-прежнему сохраняют характер политико-идеологических клише. Формальные признаки общества Модерна (которые когда-то действительно выражали существенные признаки отличия современного (индустриального) общества от традиционного (аграрного)), сегодня применяются как маркеры совсем иной современности. При этом исчезает проблема новых содержательных критериев модернизации, выявляющих фундаментальные, сущностные аспекты перехода от несовременной социальной организации (в предельно широком смысле) к современной.

Смысл, вкладываемый в современность, соответственно понимание того, что ей противоположно – несовременность, традиционность, отсталость и т.п., по необходимости выступает как метафизическое, культурное и политическое самоопределение социальных субъектов. Другими словами, приобщение к современности всегда имеет аксиологический характер, означает выбор целей и идеалов, к которым нужно стремиться или отрицать. Отказ от осмысления и практического решения проблемы современности, от поисков Ответа на Вызовы истории, по терминологии А.Дж. Тойнби, неизбежно оборачивается негативными последствиями для отдельного общества и человечества.

Поэтому профессора А.В. Павлова можно поблагодарить за повод для профессиональной рефлексии, результаты которой могут быть плодотворны для решения многих корневых философских проблем. Дискуссия о современности неотделима от операциональной вовлеченности в мыслительный процесс таких фундаментальных категорий философии, как смысл, ценность, свобода, самоопределение и т.д. Тем самым создаются условия для более

глубокой разработки специальной и практически ориентированной темы модернизации российского общества.

Теоретические затруднения связаны в первую очередь с неясностью различения содержания современности и несовременности, соответственно, неустойчивостью, размытостью критериев такого различения. Есть доля истины в утверждении, что современность не является идеалом или вожделенной целью, тем, чего добиваются и что «строят». Действительно, сначала современность обнаруживает себя скорее апофатически: как сила отрицания тех порядков (институций, норм и ценностей), объединенных принадлежностью к «традиционности». Современность возникает в той мере, в какой ее начинают обсуждать как особую проблему – проблему новизны в обществе, другими словами, современность конституирует себя проблемой современности.

Какие же условия должны быть выполнены, чтобы возникла способность представлять современность как что-то свершившееся, целостное, как сферу, которую можно анализировать, о ней рассказывать и поэтому ее определять?

Деархаизация, приводящая в качество современности, создающая его, – это лишь условие существования в современности, но она не дает возможности субъекту говорить о ней, поскольку отсутствует необходимый критический опыт, позволяющий говорить о подлинной современности, а не формальной новизне. Отсчет современности не может быть зафиксирован одновременно с появлением новой системы ценностей и структур, занимающих маргинальное положение. Это уже потом, ретроспективно становится понятным, что именно дало импульс необратимым изменениям, в том числе сменило дискурс прошлой эпохи, препятствующий самой проблематизации современности. То есть современность связана с появлением принципиально новых смысловых структур, вызревающих в отрицании архаического, устаревшего опыта.

Само слово «современность» в первом приближении к нему отличается полисемантичностью. Прежде всего, оно выражает идею одновременности, со-впадения по времени. Все, кто касается означенной темы, достаточно дружно отмечают бессодержательность этого значения – как соприсутствия в том или ином периоде астрономического времени – десятилетии, столетии, эпохе, т.е. формально определенной хронологии. Далее, «современность» выражает идею совпадения с нынешним временем, то есть с сим днем, в данном случае – с началом XXI века. При расширительном толковании это значение может быть распространено на ту или иную историческую эпоху, если в ней сохраняется преемственность поколений, норм, ценностей, институтов.

Тогда в чем же собственное содержание понятия современности? Определения ее самой по себе плодит тавтологию, потому что современность не существует сама по себе, но всегда соотносительна с несовременностью (архаикой, прошлым и т.п.), являясь ее отрицанием. Современность задается единством Вызовов и способов ответа на них, выводящих общество на более высокую траекторию развития. Вот почему не существует никаких раз и навсегда определенных признаков современности, они всегда зависят от условий места и времени.

Ответить на этот вопрос – значит, указать источник, определяющий характер социально-исторического времени, его ритм, темп, другие метрические свойства нефизического времени, определяемые человеческой деятельностью.

Например, современность связывают с соответствием требованиям своего времени, с уровнем достижений эпохи. Правда, сразу возникают как проблема обоснованности и абстрактности подобных критериев, так и убежденность в невозможности избежать ценностного подхода в понимании современности/несовременности, тем самым – релятивизации любых определений современности.

Различает календарно-астрономическое и социально-историческое время П.К. Гречко: «Первое однообразно, линейно, необратимо – вперед и только вперед. Второе характеризуется многообразием, альтернативностью или вероятностью, в нем много самых разных ниш, позиций, траекторий, режимов и темпов продвижения вперед» [1, с. 167]. Возникает, считает он, феномен симультантности, или одновременности разновременного, когда одновременно (календарно-астрономически) сосуществуют, взаимодействуют субкультуры, принадлежащие историческому

прошлому, настоящему и будущему, в том числе и маргинальные, выпадающие из всякого времени. Рамки астрономического времени приобретают культурно-историческую определенность при их насыщении характерными, типичными для этого периода нормами, ценностями и институтами. Тем самым предопределяется идеологичность понимания современности и задается вполне определенная философия истории – с ее целью, логикой, периодизацией и т.п. Вне и помимо глубинной связи с историей, с единством ее цикличности и поступательного хода, проблемы современности просто не существует. Ведь возникновение эпохи Модерна, соответственно – идеи современности, неразрывно связано с формированием идеи прогресса, а в научном плане – с концептуализацией категории развития и с разработкой различного рода эволюционных теорий.

«Измерение» современности предполагает выделение некоей единицы этого измерения, периода времени, по отношению к которому имеет смысл сравнения изменений, происходящих в истории. Масштаб этой единицы, считает Б. Капустин, будучи сложнейшей теоретической проблемой, понимается как самоочевидная рамка времени, внутри которой нужно найти «самое главное и определяющее», что позволило бы найти ответ – «что такое современность» [2, с. 15]. В зависимости от идеологических предпочтений, критерием современности становились «свободный мир», «коммунизм», «демократия», «секулярность» и т.п. Так, Л. Поляков говорит о современности как глубинной мутации любого общества, которое еще несовременно и предлагает модернизацию (осовременивание) понимать как деархизацию, как слом традиционных структуры общества. По его мнению, общество становится современным, преодолев барьеры архаики – разрушив коллективное сознание, деспотическую власть, коммунизм как господство целостности, территориальный экспансионизм [3, с. 118].

Избирательность подобного подхода фрагментирует современность, не позволяет достичь единства и целостности ее понимания. В качестве выхода Капустин предлагает феноменологический подход к пониманию современности во избежание политического и идеологического авторитаризма: современность – это то, что сами люди полагают современным. Но и сам же приводит самое серьезное возражение для реализации подобной процедуры – разобщенность, конфликтность разнородных жизненных миров. «Разные видения создают разные миры. Поэтому мы можем лишь рассматривать аргументы за или против того или иного понимания современности» [2, с. 17].

Человечество по-прежнему существует в формах различных цивилизаций и цивилизационно-культурных зон, эволюция которых происходит в их собственных ритмах и динамике, которые содержательно отнюдь не синхронизированы. Заимствование, чаще всего в виде натужного, демонстративного имитирования стандартов современности в условиях «догоняющей модернизации» приводит к разрыву связи поколений, когда современниками не являются не только прадеды и правнуки, но даже родители и дети, живущие под одним кровом.

Мне чрезвычайно импонирует мысль Павлова о том, что рефлексивное отношение к историческому опыту является непременным условием нашей способности формулировать образы будущего. Быть современным – значит, уметь выходить за пределы наличного бытия, предвидя негативные последствия жизни по инерции, в колее сложившихся условий и факторов, выступающих в качестве «непреодолимой силы». Способность человека осознанно определять свое отношение к определенным ценностям и на основе этого выбора выстраивать свою жизненную стратегию поведение, служит залогом его свободы. Происходит это всегда в определенном контексте места и времени, в результате определенных обстоятельств, создается определенными действующими лицами. Справедливо отмечается, что самоопределение новой культурной реальности по отношению к старой в писаной истории всегда фиксировалась в противоречиях и конфликтах поколений. «В дальнейшем эта ситуация может наблюдаться всякий раз при существенных изменениях цивилизаций и мировоззрений, и выход из нее всегда состоял в воспроизводстве разума путем изменения рациональности и цивилизации» [4, с. 7]. Как свидетельствуют многие фрагменты статьи, А.В. Павлов настаивает на определяющей роли в конструировании современности опыта индивидуального человеческого самобы-

тия, отличающегося способностью к рационально-методологической рефлексии [5, с. 14].

Апелляция к рациональности сталкивается с общеизвестным аргументом о различном культурно-историческом содержании рациональности, особенно в свете метафизического поражения всех попыток представить в качестве эталона западный вариант инструментальной рациональности. Получается что современность, отвергая прежние стандарты современности, подрывая ранее незыблемую иерархию ценностей и значений, наделенную абсолютной самостоятельностью, в той же мере начинает производить новый эталон. Гарантирует ли его новизна большую эффективность? Современное общественное развитие катаклизмами последних лет рушит один незыблемый стандарт рациональности за другим. Рациональность норм и институтов, рациональность индивидуального поведения, надежность государственных органов и доверие к экспертам сплошь и рядом обнаруживают свою несостоятельность. Действие может быть эффективным, будучи связанным с тем, что никак нельзя признать рациональностью. Действие может быть самоценным, даже если не оно достигает результата, совершаясь человеком с четким выбором ценностей и мотива. Например, подвиги самопожертвования и другие этические поступки ценится по их намерению и свершению, но не по результату.

Кроме того, любая попытка решать проблему современности на индивидуальном уровне рациональной рефлексии не может дать общезначимого ответа. Как заметил Б. Капустин: «Критерии внутренних «переживаний», утонченности и просвещенности, в той мере, в какой они служат для различения людей, принадлежащих и не принадлежащих к Современности, есть не более чем экспертно-элитистская апология дискриминации и угнетения» [2, с. 25]. Или, смягчая данную оценку, это может быть романтической утопией, создаваемой протестующим героем – индивидуалистом, склонным к самым крайним полемическим обобщениям, как было охарактеризовано основное произведение Генри Торо [6, с. 224]. Именно это произведение ассоциативно всплыло в памяти по мере знакомства с обсуждаемым текстом. Перечитывая, убеждаешься – при различии риторики (американский классик выражался менее туманно), пафос совпадает. Но, если критерием оценки современности/несовременности выступает человеческий индивид, то разговор о современности умирает, не успев начаться. Во-первых, говоря о персональности выбора, А.В. Павлов возвращает нас к Энгельсу и пресловутому, критикуемому им, столкновению «воль и интересов стихийно действующих индивидов». Рекомендация человеческим индивидам быть разумными, чтобы быть современными, столь же конструктивна, как и рекомендация быть богатыми и здоровыми. Во-вторых, проблема современности, по сути, подменяется другими философски важными, но другими проблемами – индивидуального самоопределения, мировоззренческого выбора и т.д.

Поэтому необходим переход на уровень рассмотрения типа сообщества, культур и субкультур, захваченных проблемой Современности и требующих интеграции в единое целое путем решения насущных проблем человечества. С этой точки зрения глобальные проблемы современности современны не потому, что они существуют сегодня, теперь, а потому, что предопределяют необходимость культурного сотрудничества человечества в предотвращении будущей мировой катастрофы. Именно в этом ключе я солидарен с утверждением Павлова о том, что «...современность – это умение жить в соответствии с меняющейся реальностью, а не с выдумками, иллюзиями, благими пожеланиями и памятью о великом прошлом, тормозящими изменения» [4, с. 5].

Но здесь возникает вопрос относительно «памяти о великом прошлом, тормозящем изменения». Изменения изменениям рознь, в статье же обойден вниманием вопрос о взаимосвязи современности и традиции, его приходится эксплицировать из высказывания: «...есть общества с минимальными проблесками современности, а есть такие, которые насквозь пропитаны ею, но от модернизации крайне далеки, например, наше, российское 2000 гг.» [4, с. 6]. Если имеется в виду внешний, формальный, имитационный характер заимствованной российской «современности» – безусловно, я согласен с такой оценкой. В этом контексте остроумен А. Филиппов, заметивший, что: «Интеллектуалы способны инициировать «совре-

менный дискурс», но они же способны и симулировать этот дискурс» [7, с. 36]. Просто требуется отдельный разговор о явной несостоятельность жесткой оппозиции «традиционность – современность» при анализе процессов развития. На деле «традиционность» должна противопоставляться не «современности», а деформациям, ломке, уничтожению жизненно важных для воспроизводства общества традиций, «удаляющих» общество, культуру от современности.

Просвещение с его верой в прогресс, основанный на выделении в истории положительного начала (разум, цивилизация, эмансипация), наделило традицию статусом «реального с отрицательным знаком» (Ю. Лотман), качествами предрассудка, заблуждения, фанатизма; движимое критикой прошлого, Просвещение маркирует традицию как инерцию и иррациональное.

Рационализм Нового времени сформулировал стойкое, не изжитое по сей день убеждение о радикальной оппозиции между традицией и новацией: поступательное развитие всегда происходит через преодоление традиций, а упрочение традиции обязательно ведет к суждению возможностей развития. Как видим, утопии может создавать и рационализм, поэтому закономерны консервативная реакция на универсалистские ценности рационализма, создавшая формулу «история-традиция», и романтическая, переместившая акцент в понимании традиции на ее связь с новацией (проектом, будущим), на проблему выбора подлинных традиций прошлого.

Размеры «дозволенной речи» не позволяют мне продолжить развитие сюжетов статьи А.В. Павлова. Перейду к тому, что меня не устраивает в рассматриваемом тексте. Как у Андрея Синявского и советской власти, у меня с А.В. Павловым сугубо стилистические разногласия. Наверное, маститый философ может позволить себе писать как хочет, например, как Ф. Ницше, мало заботившийся стандартами философского дискурса, но…

Автор начинает вторую часть своей статьи: «Представляя современность пространством взаимных оценок в параметрах современности/несовременности, пространством, где субъекты идентифицируют своих партнеров, мы оказываемся перед необходимостью видеть точку отсчета в этих субъектах и искать качество современности именно в них. Проще говоря, каждый *субъект современен самому себе*, и именно поэтому, интенционально проецируясь вовне, он может окружающую его реальность оценивать как современную или несовременную, то есть, созвучную его опыту и самосознанию или нет» [5, с. 5]. Энигматичность данного пассажа побуждает провести незамысловатую лингвистическую операцию по замене «современности» на «свободу». В итоге получаем: «Представляя свободу пространством взаимных оценок в параметрах свободы/несвободы, пространством, где субъекты идентифицируют своих партнеров, мы оказываемся перед необходимостью видеть точку отсчета в этих субъектах и искать качество свободы именно в них. Проще говоря, *каждый субъект свободен сам по себе*, и именно поэтому, интенционально проецируясь вовне, он может окружающую его реальность оценивать как свободную или несвободную, то есть созвучную его опыту и самосознанию или нет». Читатель может сам проделать аналогичную операцию с рядом иных понятий и категорий: абсурд, апатия, аскетизм, аутентичность, благодать, рефлексия и т.п. Уверяю, каждый раз внешне это будет выглядеть глубокомысленно и крайне теоретично.

Повторим эксперимент. Профессор пишет: «Современность скрывается в ныне живущих поколениях и создает особую рациональность и цивилизованность. Точнее, она является той субстанцией, из которой могут в перспективе родиться и непримиримая рациональность социального взрыва, и формальная рациональность общей стандартизации. Но она может воспроизводиться, оставаясь тем, что она есть – многомерной рациональностью множества взаимно комплементарных частных человеческих разумов»[4, с. 9]. В этот раз заменим «современность» на «творчество», если что и меняя в тексте, то исключительно следуя правилам грамматики. Итак, «творчество скрывается в ныне живущих поколениях и создает особую рациональность и цивилизованность. Точнее, оно является той субстанцией, из которой могут в перспективе родиться и непримиримая рациональность социального взрыва, и формальная рациональность общей стандартизации. Но оно может воспроизводиться, оставаясь тем, что оно есть – многомерной рациональ-

ностью множества взаимно комплементарных частных человеческих разумов». Мне кажется, вовсе неплохо получилось, притягивает загадочной глубиной «живой» мысли.

Если же серьезно – к сожалению, текст изобилует подобного рода построениями, сразу вызывающими ассоциацию с бессмертной «глокой куздрой, штеко будланувшей бокра и кудрячащей бокренка». Невнимание автора к строгости определений, абстрактность рассуждений значительно снижают возможности обсуждения всего богатства идей, содержащихся в обсуждаемом тексте.

1. Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 166–179.

2. Капустин Б. Как понимать вопрос: что такое современность? // Стратегия. 1998. № 1.

3. Поляков Л. Россия без «современности» или современность без «России» // Стратегия. 1998. № 1.

4. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.

5. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5–14.

6. Старцев А.И. Генри Торо и его «Уолден»// Торо Г.Д. УОЛДЕН, или жизнь в лесу. М., 1962. 456 с.

7. Филиппов А. Современность и повседневная рациональность // Стратегия. 1998. № 1. С. 33–49.

1. Grechko P.K. Intellektual'nyj import, ili O periferijnom postmodernizme // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 2. S. 166–179.

2. Kapustin B. Kak ponimat' vopros: chto takoe sovremennost'? // Strategija. 1998. № 1.

3. Poljakov L. Rossija bez «sovremennosti» ili sovremennost' bez «Rossii» // Strategija. 1998. № 1.

4. Pavlov, A.V. Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti. Modern i plastichnost' // Socium i vlast'. 2012. № 6. S. 5–11.

5. Pavlov, A.V. Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti. Kriterij sovremennosti // Socium i vlast'. 2013. № 1. S. 5–14.

6. Starcev A.I. Genri Toro i ego «Uolden» // Toro G.D. UOLDEN, ili zhizn' v lesu. M., 1962. 456 s.

7. Filippov A. Sovremennost' i povsednevnaja racional'nost' // Strategija. 1998. № 1. S. 33–49.

UDC 17.022

MODERNITY AS A PROBLEM

Ershov Yurij Gennadjevich,
Ural Institute (branch) of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the head of the chair of philosophy and politology,
doctor of philosophy, professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ers@uapa.ru

Annotation
The article deals with the problem of modernity. The author analyzes advantages and disadvantages professor A.V. Pavlov's conception.

Key concepts:
modernity, modernization, rationality.